

Дипломат из «Северного»

В архиве «Северного края» есть масса интереснейших фотографий. Но обратимся сегодня лишь к одной из них. Строгий кабинет, массивный письменный стол, за ним министр иностранных дел СССР Вячеслав Молотов с авторучкой, помощник почтительно придерживает документ на столе. Взоры всех присутствующих притянуты к руке министра. Только один человек – Сталин в белом мундире – спокойно опирается на стену и смотрит подчёркнуто безразлично в сторону. И почти напротив него по другую сторону стола высокий человек с копной густых волос – генеральный директор ТАСС Николай Пальгунов.

А ведь Николай Пальгунов наш земляк, хотя родился в 1898 году и некоторое время жил в Петербурге, куда его отец из даниловской глубинки выезжал на приработки. Трудовую биографию Николай начал на одном из питерских заводов. После революции Пальгуновы – в семье было трое сыновей – вернулись в родное Дмитриевское. Николай сразу же включился в работу созданной им комсомольской ячейки. По комсомольской путёвке поехал учиться в Ярославский университет и уже в 1919 году вступил в РКП(б).

К этому времени относятся сведения о Николае Пальгунове, сохранившиеся в архиве. Первый документ – учётная карточка 1920 года. Короткие, четкие ответы: великоросс, крестьянин, с 15 лет зарабатывает личным трудом, бобыль, содержит мать, бабуку, двух братьев. В партию привело «стремление участвовать в честной пролетарской борьбе за социализм». Круг интересов: продовольственное дело, муниципальное хозяйство, народное образование, кооперация.

Во время учёбы он работает в губернском комитете РКП(б), в частности, инструктором орготдела губкома. Сохранилось командировочное удостоверение: «Всем учреждениям Ярославской губернии оказывать Пальгунову в его работе всемерное содействие». А цель одной из командировок – за научным материалом на станцию Путятино. Это, кстати, место, где жили его родные.

В следующей анкете он уже называет себя журналистом, сообщает, что женат, учится на четвёртом курсе университета, знаком с немецким и французскими языками, самостоятельно изучает труды Маркса, Энгельса, Ленина, Плеханова, Каутского.

Анкета в 1924 году: Пальгунов участвует в бесчисленном ряде комиссий, работает в редакции «Северного», уже может свободно излагать мысли на французском языке, пишет по-немецки. Сообщает о причине освобождения от воинской обязанности – близорукость в 11 диоптрий. Очередной губернский съезд Советов обозначил первоочередные задачи газеты: сокращение советского аппарата, борьба с канцелярским бюрократизмом и волокитой, кооперативное движение, организация сети трудовых сберкасс, борьба с детской безнадзорностью. И главное требование к газете – увеличить тираж до 10 тысяч экземпляров.

Борьба за подписку велась самыми разнообразными методами. Прежде всего газета заявила, что берёт под свою защиту рабкоров. В рубрике

«Рабоче-крестьянская жизнь» печаталось до 40 писем и сигналов. Подписи: Сыч, Бедный, Горемычный, Новатор, Оса, Сверло... Прошла неделя печати, состоялся вечер читателей, праздник тиража. В одном из

к письмам и вопросам читателей, «Через сито» – иронические заметки в несколько строк, со стихами на материалы поступивших жалоб, «Справочный отдел». Ответы недоброжелателям, например, такие: «Ваши опровержения ничего не опровергают, так как основаны на одних словах». За каждой такой фразой слышится насмешливый и уверенный голос редактора. Новые черты редакционной жизни: введено вечернее дежурство с 6 до 8 часов для максимального удобства читателей и корреспондентов, сообщалось о скором открытии ежедневного приложения «Ярославская деревня».

Следующий этап – редактор «Курской правды». Осенью

чилась для Пальгуновых эвакуацией. На самолёте окружным путём семья выбиралась из Парижа в начале второй мировой войны.

Но опасность подстерегала не только в полёте. Когда-то, встав на ноги, Николай Григорьевич заботливо помогал своим младшим братьям. Иван и Дмитрий тоже были весьма активными комсомольцами и не случайно по комсомольским путёвкам направлены один на учёбу в Ярославль, другой – на работу в Донбасс.

Иван Григорьевич успешно продвигался по службе в прокуратуре Ярославской области и в 1937 году уже был помощником прокурора области. Но к этому времени репрессии до-

шение приехать для встречи.

Его кабинет поразил меня горами книг на разных языках, полками справочников и вестников. Одну из стен закрывала огромная карта мира. А более всего удивил человек, которого я увидела впервые. Он был высокого роста, в тёмном костюме с бабочкой. Причёска – волосок к волоску. Весёлый и любопытный взгляд живых глаз за толстыми стёклами очков. Был, видимо, разгар работы агентства. Звонили соборы из далёких представительств. Заглядывали люди, чьи имена не сходили со страниц газет. В перерыве Николай Григорьевич расспрашивал о Ярославле, о родственниках, о сданных экзаменах, об общезнании. Это были только пробные вопросы, вскоре я поняла, что общаться с ним – что сидеть на пороховой бочке. Надо быть готовой к самым неожиданным вопросам. Он обожал поставить собеседника в тупик, заставлял больше думать, читать, знать, не допускал узкого ремесленничества.

Требования к журналистике у него были самые высокие. Не случайно его книги о любимом жанре информации и сейчас остаются учебником для профессионалов.

Наверное, самой главной чертой характера Пальгунова оставалась любознательность. Например, на посту директора ТАСС наиболее интересные материалы он просил до телеэкрана показывать ему – это был не только контроль, но и любопытство.

Он работал по ночам, домой возвращался под утро, спал до сумерек. Семья в эти часы ходила на цыпочках. В выходные у Пальгуновых собирались друзья – такие же, как он, остроумные и ироничные. Но вряд ли они чувствовали себя спокойно в квартире № 284 дома № 2 по улице Серафимовича, в Доме на набережной, как его называют сейчас. Когда в 1989 году по инициативе жителей здесь открылся музей на общественных началах «Дом на набережной», был представлен список репрессированных жителей – более 600 человек. Среди экспонатов музея – портрет Пальгунова с картой Франции, бинокль, фотографии.

До обидного рано покинул он свой пост – в 62 года, потеряв зрение. Успел довести до конца важное для всех нас дело: с 1956 по 1959 год был председателем оргбюро, а в 1959-м избран секретарём правления Союза журналистов СССР.

Но и уйдя на пенсию, он всю оставшуюся жизнь не порывал связи с ТАСС. Наша последняя встреча состоялась зимой на привативной даче. Он заинтересованно расспрашивал меня о тираже «Северного», о сотрудниках, о главных темах газеты, об обстановке на селе и премьерях Волковского театра.

В тассовском музее бережно хранятся сведения о генеральном директоре. Есть там и стопка телеграмм соблаговольствия по поводу его кончины, среди подписавших – президенты стран, руководители всемирно известных информационных агентств, писатели, журналисты.

Инна КОПЫЛОВА.

Фото из архива редакции.

номеров были напечатаны дружеские шаржи со стихами на ведущих сотрудников. В стихе по редактору Венедиктову мелькнули строчки: «Иль вновь дискуссию он с Пальгуновым затевает?» Николай Григорьевич уже замредактора газеты. Появилась новая рубрика «Кто нас окружает?». Подвал о Финляндии подписан «Н.Г.», «Ответ рабочему» – корреспонденция по критическим письмам. Март закончился победой – 10 тысяч были на счету редакции. И тут же новый лозунг: даешь 15 тысяч!

Но редактор А. Венедиктов исчез со своего поста. Возможно, перешёл в партийный аппарат или «не оправдал доверия». Редактором был назначен Г. Ржанов, и газета мгновенно «отяжелела». Появились скучные солидные отчёты, теоретические статьи.

Ржанов продержался четыре месяца. 8 августа 1924 года газету подписал ответственный редактор Николай Пальгунов.

Через несколько дней «Северный рабочий» начал стремительно меняться. На первой странице печатались международные подборки из кратких, ёмких информационных, подготовленных опытной рукой. Стали регулярно выходить обзоры международных и местных событий, подписанные А. Афиногеновым, будущим известным драматургом, яркие, живые, эмоциональные. По-новому зазвучали давнишние рубрики: «Отклики и размышления», «Среди книг и журналов», «Беседы с рабочими» – аннотации

1929 года Пальгунов начал учёбу на курсах журналистов-международников, организованных ТАСС.

Первая зарубежная работа – в Иране, в то время почти закрытой стране, мучительно ищущей свой путь. Корреспонденции Пальгунова внесли новые сведения в тассовские вестники, его информации тщательно изучались в дипломатических кругах. А у самого корреспондента навсегда остался интерес к восточной культуре, персидскому языку и литературе. Следующие три года он работал в Финляндии, где его поражали высокая культура быта, трудолюбие народа. А любовь к симфониям Сибелиуса уже никогда не оставляла Николая Григорьевича.

В 1935 году он оказался в гуще пёстрой политической жизни Франции. Шесть лет в Париже наложили отпечаток на весь его облик. Неизменная бабочка стала принадлежностью костюма, особая осанка, шарм глубоко интеллигентного человека. Совершенный французский обогатил и так разнобразный его словарь знатока персидского, немецкого, финского языков.

Но на парижские годы выпали самые тяжёлые события личной жизни. Здесь его жена Марианна родила дочь Нинель. Девочка родилась больной и навсегда осталась инвалидом. Её отправили к ярославским родственникам Цыганковым, где она прожила несколько лет.

Работа во Франции закон-

стигли своего апогея. Областное управление НКВД начало следствие по «делу прокуров», о якобы существовавшем в Ярославле троцкистском террористическом заговоре. В числе тринадцати работников Иван Григорьевич был осуждён, отправлен в лагерь на Дальний Восток, где и погиб. Через два десятилетия все осуждённые по следственному делу № 475 были посмертно реабилитированы.

Трагично сложилась и жизнь Дмитрия Григорьевича. Войну он встретил директором крупной шахты Донбасса. Отправив семью в Ярославскую область, сам ушёл в действующую армию, быстро вырос до командира батальона. Он погиб в бою 8 марта 1943 года.

По возвращении в Москву и Николая Григорьевича могли ждать арест и неправый суд. Но судьба его хранила. Сначала заведовал отделом печати МИД СССР, а затем семнадцать лет находился на посту генерального директора ТАСС. Наверное, и сам не предполагал, что будет занимать пост так долго. Один из его предшественников, Ян Долецкий, объявленный врагом народа, застрелился в своём кабинете.

Родство неожиданно открыло мне вход в его кабинет на Тверском бульваре и в Дом на набережной, где жила семья. Это было в годы моей учёбы в Московском университете. Устроившись в общезнании на Стромынке, я посчитала для себя возможным позвонить Николаю Григорьевичу. И неожиданно получила пригла-